

СТУДИЯ ИМЕНИ

АЛЕКСЕЙ ПОВОВ.

ми, своего театра, как студийцы вахтанговцы. Каждый артист, каждый работник переживает все волнующие театр вопросы с одинаковой заботой, с одинаковым интересом. И это не случайно. Вахтанговцы бережно хранят заветы и заветы своего великого учителя, и вполне резонно заботятся об обстановке и возможности наилучшим способом и образом разрешить задачи, стоявшие перед Вахтанговыми и должностные разрешать его наследниками. Вахтанговцы без Вахтангова продолжают расти, развиваться и становятся достойной сменой великодушной семьи художников. Вахтанговцы не являясь Иванами, не помнящими родства: они в своей работе в основу сценического искусства кладут „правду чувств“, пусть в форме театральной, а не натуральной, но „правда чувств“ это та база, на которой строят свои работы вахтанговцы... Этой театральной „правдой чувств“ насильно проникнуты последние две постановки Вахтанговцев — „Виринея“ и „Зойкина квартира“. В „Виринея“ с превос-
вила в нашем сознании некое чувство неизбежной тоски. Вахтангов один из первых театральных идеологов, который, колеблясь ни на секунду, признал революцию и которого революция признала. Призрак Вахтангова витает не только над 3-й Студией—его дети-
шем, но и над многими театрально-производственными показами нашего времени. В личности Вахтангова есть моменты героически-сказочного характера, о нем говорят и вспоминают не как о современнике, а как о давнем предшественнике. Система Вахтангова, это—школа Станиславского плюс Октябрь театра. Если бы Вахтангов жил, он бы форсировал эту свою систему. Но Вахтангов умер, а его школа естественно замедлила темп синтеза системы Станиславского с театральным Октябрем. Пусть медленно, но все же верно и твердо вахтанговцы идут по этому пути. Если зайдет где спор—какой театр имеет шанс стать театром будущего, то безусловно среди первых кандидатов на это почетное звание будет фигурировать и театр Вахтангова... Вахтанговцы еще не обрели своего пути, они еще в стадии исканий и поисков, но разве есть что-либо более возвышенное, чем искание... Тот, кто ищет, тот уже нашел. А вахтанговцы упорно и настойчиво ищут. Будущее, большое будущее за ними. Для того чтобы это предсказать надо быть не пророком, а лишь постоянным, внимательным зрителем Студии имени Евгения Вагратионовича Вахтангова.

Вахтанговцы. В мае 1923 г. с молодым коллективом Третьей студии МХАТ случилось большое, непоправимое несчастье—умер их вождь, руководитель, тот кто их сплотил, сколотил, соединил в единую художественно-театральную организацию. Но коллектив не растерялся. Он сознал, что Вахтангов оставил ряд неразрешенных еще задач и с несмываемой энергией, неповторяемой самостоятельностью стал продолжать начатую Вахтанговым работу. Когда-нибудь историк театра остановится с исключительным восхищением над изумительными страницами жизни и работы коллектива-коммуны Третьей студии. Как-то особенно восторженно с несокрушимой волей взялись вахтанговцы за свое дело, большое творческое дело. Они, вахтанговцы, продолжали строить и создавать театр Вахтангова. Камень за камнем, при нечеловеческих трудностях, при сказочно героической напряженности они строили свой театр, свой репертуар, свое хозяйство, свой особый специфический быт, особую обстановку, особые методы коллективной и индивидуальной работы на сцене и вне ее... Каждый артист, каждый работник Третьей студии, кроме непосредственно актерской работы выполняет работы по оборудованию сцены, по окраске стен, по различным, разнообразнейшим работам, связанным с заботой о театре.—не только о сцене, но и о театре в целом. Редко встретишь артиста, занятого в такой мере вопросами хозяйственными. организационно-производственными и даже финансовыми.

Р. Н. СИМОНОВ.

Каждый артист, каждый работник переживает все волнующие театр вопросы с одинаковой заботой, с одинаковым интересом. И это не случайно. Вахтанговцы бережно хранят заветы и заветы своего великого учителя, и вполне резонно заботятся об обстановке и возможности наилучшим способом и образом разрешить задачи, стоявшие перед Вахтанговыми и должностные разрешать его наследниками. Вахтанговцы без Вахтангова продолжают расти, развиваться и становятся достойной сменой великодушной семьи художников. Вахтанговцы не являясь Иванами, не помнящими родства: они в своей работе в основу сценического искусства кладут „правду чувств“, пусть в форме театральной, а не натуральной, но „правда чувств“ это та база, на которой строят свои работы вахтанговцы... Этой театральной „правдой чувств“ насильно проникнуты последние две постановки Вахтанговцев — „Виринея“ и „Зойкина квартира“. В „Виринея“ с превос-
вила в нашем сознании некое чувство неизбежной тоски. Вахтангов один из первых театральных идеологов, который, колеблясь ни на секунду, признал революцию и которого революция признала. Призрак Вахтангова витает не только над 3-й Студией—его дети-
шем, но и над многими театрально-производственными показами нашего времени. В личности Вахтангова есть моменты героически-сказочного характера, о нем говорят и вспоминают не как о современнике, а как о давнем предшественнике. Система Вахтангова, это—школа Станиславского плюс Октябрь театра. Если бы Вахтангов жил, он бы форсировал эту свою систему. Но Вахтангов умер, а его школа естественно замедлила темп синтеза системы Станиславского с театральным Октябрем. Пусть медленно, но все же верно и твердо вахтанговцы идут по этому пути. Если зайдет где спор—какой театр имеет шанс стать театром будущего, то безусловно среди первых кандидатов на это почетное звание будет фигурировать и театр Вахтангова... Вахтанговцы еще не обрели своего пути, они еще в стадии исканий и поисков, но разве есть что-либо более возвышенное, чем искание... Тот, кто ищет, тот уже нашел. А вахтанговцы упорно и настойчиво ищут. Будущее, большое будущее за ними. Для того чтобы это предсказать надо быть не пророком, а лишь постоянным, внимательным зрителем Студии имени Евгения Вагратионовича Вахтангова.

Б. Е. ЗАХАРОВ.